

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 82-343.4+811.111'42+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.4, 5.9.8

Абдуазиз Абдиахакимович Алимджанов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ffortunatov@mail.ru, SPIN-код: 2772-3393, <https://orcid.org/0000-0003-2950-0036>

Неволшебные политкорректные сказки: влияние политического дискурса на жанр

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается один из примеров адаптации с помощью концептов политкорректности (или идеологем) известной сказки «Золушка» («Cinderella») в политкорректный текст американским писателем Джеймсом Финном Гарнером. Сказка адаптирована с позиций политической корректности, нового левого проекта, борьбы с разными видами дискриминации и воинствующего феминизма.

Целью статьи является поиск ответа на вопрос: возможна ли политкорректная сказка как разновидность волшебной сказки? Также ставится цель описать 1) конфликт волшебного и политического и 2) деструктивность politicизации дискурсов. Объектом исследования является политический дискурс, а предметом — влияние политического дискурса на сказочный дискурс. Методами анализа являются лингвопрагматический и дискурсивный анализ.

В результате сопоставительного анализа текстов выявлено, что жанр волшебной сказки разрушается языковыми и неязыковыми приемами. Разрушение жанра происходит на идейном уровне (суперпарадигмальном уровне); на уровне языковых картин миров (патриархальное Vs. новый левый проект с воинствующим феминизмом); структуры сказок; и наконец, внедрением идеологем политического дискурса.

В результате исследования сделаны следующие выводы. Концепты закреплены за определенной картиной мира, за определенной онтологией. Политкорректное именование — это не столько замена лексических средств на эвфемизмы, сколько замена традиционных концептов «патриархального» дискурса. Волшебная сказка находится в рамках «патриархальной» парадигмы. Автор адаптации, высмеяя политкорректность и воинствующий феминизм, на самом деле показал границы жанра. Оказалось, что только «мужской» патриархальный мир (дискурс) вмещает волшебное, а политкорректный феминистический прагматический мир не совместим с волшебным миром сказок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политкорректный дискурс, сказочный дискурс, волшебные сказки, морфология волшебной сказки, политкорректные сказки, политическая корректность, концептуальная сетка, политкорректные тексты, картина мира, литературные жанры, дискурс-анализ, лингвопрагматический анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Алимджанов Абдуазиз Абдиахакимович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; email: ffortunatov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алимджанов, А. А. Неволшебные политкорректные сказки: влияние политического дискурса на жанр / А. А. Алимджанов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 223-232.

Abduaziz A. Alimdjjanov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ffortunatov@mail.ru, SPIN code: 2772-3393, <https://orcid.org/0000-0003-2950-0036>

Non-Fairy Politically Correct Tales: The Influence of Political Discourse on the Genre

ABSTRACT. The article examines one of the examples of the adaptation of the famous fairy tale “Cinderella” into a politically correct text by the American writer James Finn Garner using the concepts of political correctness (or ideologemes). The fairy tale is adapted from the standpoint of political correctness, a new leftist project, the fight against various types of discrimination, and militant feminism.

The aim of the article is to find an answer to the question: can a politically correct tale be written as a fairy tale? The aim is also to describe 1) the conflict between the magical and the political and 2) the destructiveness of politicizing discourses. The research scope covers political discourse, and the object of research includes the influence of political discourse on fairy-tale discourse. The study employs the methods of linguopragmatic and discursive analyses.

Comparative text analysis revealed that the genre of fairy tale is destroyed by linguistic and non-linguistic techniques. The destruction of the genre occurs at the ideological level (super-paradigm level), at the level of linguistic worldviews (patrarchal vs. a new leftist project with militant feminism), the structure of the fairy tale, and finally, the introduction of ideologemes of political discourse.

The following conclusions were drawn from this study: The concepts are anchored in a certain worldview, in a certain ontology. Politically correct naming is not so much a replacement of lexical means with euphemisms, but rather a replace-

© Алимджанов А. А., 2025

ment of the traditional concepts of “patriarchal” discourse. The fairy tale lies within the framework of the “patriarchal” paradigm. The author of the adaptation, having ridiculed political correctness and militant feminism, actually showed the boundaries of the genre. It turned out that only the “male” patriarchal world (discourse) encompasses the magical, and the politically correct feminist pragmatic world is not compatible with the magical world of fairy tales.

KEYWORDS: political discourse, politically correct discourse, fairy tale discourse, fairy tales, morphology of fairy tales, politically correct fairy tales, political correctness, conceptual frame, politically correct texts, worldview, literary genres, discourse analysis, linguopragmatic analysis.

AUTHOR'S INFORMATION: Alimdzhanov Abduaziz Abdikhakimovich, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of English Philology and Translation of the Philological Faculty, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Alimdzhanov A. A. (2025). Non-Fairy Politically Correct Tales: The Influence of Political Discourse on the Genre. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 223-232. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Политическая корректность (далее — ПК) в США является частью языковой политики и политического дискурса и, предположительно, продолжает идеологию Нового левого проекта. «Согласно основной установке „Новых левых“, традиционная борьба за освобождение угнетенных классов, ориентирующаяся на привычные формы рабочего движения, обанкротилась, и ей на смену должна прийти политика, связанная с борьбой за права не только рабочего класса, но и др. слоев населения, подвергающихся угнетению: женщин, расовых, национальных и сексуальных меньшинств, студентов и безработных»¹.

ПК с самого начала рассматривалась как инструмент политики, с помощью которого намеревались решать расовые, социальные и политические проблемы (включая глобалистскую интеграцию мира с начала 90-х годов). ПК предлагает «непатриархальную» языковую картину мира.

В словаре Collins дается следующее определение ПК: «Political correctness is the attitude or policy of being extremely careful not to offend or upset any group of people in society who have a disadvantage, or who have been treated differently because of their sex, gender, race, or disability»² («Политическая корректность — это позиция или политика предельной внимательности, чтобы не оскорбить и не расстроить какую-либо группу людей в обществе, которые находятся в невыгодном положении или к которым относятся по-разному из-за их пола, гендеря, расы или инвалидности» (здесь и далее перевод автора — А. А.)).

ПК — объект политики, точнее, языковой политики, однако законодательно не закреплена, поскольку Первая поправка к Конституции США запрещает Конгрессу издавать законы, ограничивающие свободу слова и печати. Поэтому обеспечение ПК в Америке исходит не из законодательства, а из правил и положений, например, кодексов университетов, обществ, компаний и т. д.³ И поскольку язык охватывает все сферы социальной жизни, ПК проникла во все сферы и заставила изменить восприятие языка принудительно. Вдобавок ПК стала инструментом и для разных политических и социальных групп, заявляющих о своих правах на номинацию, содержащих «нейтраллизованную», оценочную или идентификационную семы. Были разработаны нормы и словари для обозначения социально «чувствительной» лексики. По словам А. П. Чудинова, эта лексика представляет собой идеологемы, представляющие их толкование с позиции правящих сил: «...в Соединенных Штатах изменение наименований некоторых политических реалий проходит в рамках кампании по борьбе за „политическую корректность“» [Чудинов 2012: 94].

Основным концептом ПК стала «дискриминация». Согласно словарю, «Дискриминация (лат. *discriminatio* — различие) — ограничение прав человека (группы людей) по определенному признаку. В качестве признака может выступать любое значимое отличие личности (группы), например раса, этническая принадлежность, пол, религиозные убеждения, политические взгляды, род занятий, сексуальная ориентация, возраст, инвалидность»⁴.

В контексте всего происходящего, некоторые авторы начали переписывать извест-

¹ Фетисов М. С. Новые левые // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2668888> (дата обращения: 23.01.2025).

² Political correctness // Collins dictionary. Электронная версия. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/political-correctness> (дата обращения: 12.01.2024).

³ Anne Reynolds. Political Correctness // First Amendment encyclopedia. Электронный источник (2023). URL: <https://firstamendment.mtsu.edu/article/political-correctness/> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Гаджиев К. С., Гусов К. Н. Дискриминация // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/1958348> (дата обращения: 23.01.2025).

ные художественные произведения на новый лад, заменяя исходные слова на политкорректные. Делалось и делается это в разных целях (искренне или неискренне, для нас неважно) и указывает на борьбу между разными отношениями к ПК [Кузнецова 2016]. Кто-то всерьез полагает изменить язык, а другие противодействовать им [Лакофф 2014: 69], а кто-то для забавы, видя в ПК дискурсе потенциал для юмора [Чемодурова, Зотова 2022]. Поиск и установление корреляции политического дискурса с существующими дискурсами естественны. По словам О. А. Плаховой, «отмечается тождественность в развитии дискурса и жанра: каждый из них подвержен влиянию социокультурных факторов; и дискурсы, и жанры имеют тенденцию к взаимодействию с образованием новых форм» [Плахова 2015: 249].

Заявленная проблема в данной статье рассматривается на материале адаптации американским писателем Джеймсом Финном Гарнером (James Finn Garner) с помощью концептов ПК известной сказки Шарля Перро «Золушка» на английском языке («Cinderella») на ПК текст, напечатанный в сборнике «Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times». Сказки адаптированы с позиций ПК, Нового левого проекта, борьбы с дискриминациями и воинствующего феминизма.

Проблемы жанра изучаются на специализированной научной площадке журнала «Жанры речи», где обсуждаются вопросы описания речевых жанров, жанрового мышления, речежанровой компетенции и другие вопросы, касающиеся принадлежности жанров к онтологиям, идеологиям, дискурсам и т. д. [Дементьев 2017; Балашова, Дементьев 2022; Тарасова 2024; Дускаева 2016 и др.].

Цель статьи — поиск ответа на вопрос: возможна ли политкорректная сказка как разновидность волшебной сказки? Также ставятся задачи показать 1) конфликт волшебного и политического и 2) разрушительность политизации языка. Объектом статьи является политический дискурс, а предметом — влияние ПК дискурса на художественный дискурс. Исследовательский интерес представляют концептуальные и сюжетные аномалии в адаптированной сказке. Методами анализа являются лингвопрагматический и дискурсивный анализ.

1. МОРФОЛОГИЯ ИСХОДНОЙ И АДАПТИРОВАННОЙ СКАЗОК ПО В. Я. ПРОППУ

Краткая теория сказки. По определению С. И. Ожегова, сказка — это «повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущ. с участием волшебных, фантастических сил...»¹. Сказки представляют собой особый тип текстов, характеризуются устойчивостью образов, структуры и яркой оценочной лексикой.

В. Я. Пропп описал морфологию жанра волшебных сказок. Ученый выделил 7 действующих лиц в волшебной сказке (антагонист, даритель, помощник, царевна, отправитель, герой, ложный герой), которые выполняют 31 функцию [Пропп 1998: 23–49]. Он выделил устойчивые и переменные элементы, которые и составляют структуру волшебных сказок. К устойчивым элементам В. Я. Пропп причислил действия героев и их последовательность, а к переменным элементам количество действий, ходов, атрибуты и мотивировки героев.

Рассмотрим морфологию 1) оригинального и 2) переделанного вариантов сказки «Золушка» с тем, чтобы увидеть трансформацию структуры формы в зависимости от идейного наполнения, а именно проследить влияние политического дискурса на жанр.

1.1. Анализ оригинальной сказки

Оригинальная сказка, версия Ш. Перро, двуходовая, главным героем является Золушка. Золушка представляет собой социально обездоленную героиню («Золушка» — имя нарицательное и в РЯ, и в АЯ), которая через испытания и через помочь дарителя и волшебных помощников получает награду — семью (свадьба в конце сказки как компенсация за страдания и доброту).

В рассматриваемой нами исходной волшебной сказке структура сказки (по функциям, выделенным В. Я. Проппом) представлена следующим образом [Пропп 1998: 91–96]:

I. Начальная ситуация

Золушка в начале сказки находится в состоянии беспомощности из-за смерти матери и вторичной женитьбы отца на злой женщине с двумя дочерьми. «Чтобы антагонист мог создать беду, рассказчику нужно привести героя в некоторое состояние беспомощности. ...разлучить с родителями...» — пишет В. Я. Пропп [Пропп 1998: 83]. Женитьба отца и смерть матери Золушки — мотивировка последующей попытки извести Золуш-

¹ Сказка // Толковый словарь Ожегова. Электронная версия. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28782> (дата обращения: 10.01.2024).

ку. Золушка достигла совершеннолетия, и ее положение в семье тяжелое. Золушка связана с очагом, пеплом, что является признаком будущего героя. Будущие ложные герои — сводные сестры. Будущий вредитель — новая жена отца, мачеха.

II. Подготовительная часть

Подготовительная часть сказки начинается с мотивировки отлучки (старших) — приглашением на бал. Золушке наложен запрет в форме обращенного приказания. Нанесен ущерб непусканием ее на бал. Золушка нарушает запрет.

III. Завязка

Завязка строится на недостаче, нехватке: Золушка хочет на бал + невербализованная недостача: ей нужен защитник, муж, принц, любовь. Цель героя — найти соответствующее снаряжение, чтобы присутствовать на балу, встретить защитника, принца, выйти за него замуж.

IV. Дарители

Дарителем в сказке выступает фея, и по совместительству крестная Золушки. Она предоставляет волшебных помощников. Фея также ставит Золушке запрет, что является мотивированной исчезновения Золушки из поля зрения принца и подготавливает второй ход.

V. Помощники

Волшебными помощниками являются карета, туфли, платья и другие вещи, сделавшие возможным посещение бала 2 раза (удвоение, вместо обычного утраения). Помощники служат для ликвидации беды или недостачи, а в анализируемой сказке туфелька служит еще и как средство для узнавания настоящего героя (клеймение).

VI. Начало второго хода

Второй ход начинается с поисков принцем владелицы туфельки.

VII. Продолжение второго хода

Здесь имеет место неузнанное прибытие, в нашем случае — анонимность Золушки: ни дома не знают, ни принц не знает, что на самом деле Золушка и есть та прекрасная гостья. Далее идут необоснованные притязания ложных героев, выраженные примеркой туфельки. Одновременно трудной задачей является надеть хрустальную туфельку. Трудную задачу задают для того, чтобы опознать настоящего героя. Далее следует узнавание: совпавшая с формой туфли нога и наличие второй туфельки указывают на настоящего героя. В это же время имеет место трансформация героя: платье Золушки преобразилось и всем стало очевидно, что та прекрасная принцесса и есть Золушка. Обычно после определения настоящего героя ложные герои наказываются.

Но в нашем случае Золушка прощает ложных героев (сводных сестер) и даже устраивает их дальнейшую жизнь. Сказка заканчивается свадьбой, что означает ликвидацию начальной беды и недостачи (муж и защитник в лице принца, и поездка на бал как средство достижения цели).

Круги действий героев исходной сказки:

- 1) антагонист (мачеха, две сводные сестры);
- 2) даритель (фея);
- 3) помощник (карета, платье, туфли и др.);
- 4) искомый персонаж (принц);
- 5) отправитель (фея, сама Золушка);
- 6) герой (Золушка);
- 7) ложные герои (сводные сестры).

Таким образом, сказка соответствует структуре волшебной сказки, функции не нарушены, круги действий героев соответствуют норме. В сказке два хода. Первый ход сказки (заканчивающийся спешным возвращением Золушки с потерей одной туфельки) не содержит мотивов Боя-Победы или Задачи-Решения по В. Я. Проппу. Второй ход, где принц ищет Золушку, содержит мотив Задачи-Решения, где задачей является надеть туфлю для узнавания настоящего героя. Сказка заканчивается обретением семьи.

1.2. Анализ адаптированной сказки

Адаптированная Джеймсом Финном Гарнером сказка написана с точки зрения феминизма и противодействия дискриминации по внешнему виду. В целом сюжет тот же, однако концовка сказки совершенно другая.

В рассматриваемой нами адаптированной сказке структура сказки (по функциям Проппа) одноходовая и представлена следующим образом [Пропп 1998: 91–96]: начальная ситуация, подготовительная часть, завязка, даритель и помощники совпадают (только даритель (фея) мужского пола и феминист). Он призывает Золушку не следовать идеалам мужчин и не стараться понравиться мужчинам, а носить удобную и простую одежду. Но Золушка не послушалась, и ей фея дает необходимую одежду. Но удвоения действия нет, как нет и трудной задачи (надеть хрустальную туфельку). Золушка ездит на бал 1 раз, а не 2 раза. Опущен второй ход сказки: скорое исчезновение Золушки с бала и потеря туфельки, поиск и узнавание настоящего героя. Ложные герои (сводные сестры) не понесли наказание. Трансформация Золушки противоположна исходной: ровно в полночь все одежды (волшебные помощники) приобретают прежний вид (старое удобное платье), происходит трансформация и она вздыхает с облегчением, и теперь женщины завидуют ей из-

за удобства ее одежд. И все женщины снимают свои неудобные корсеты, облачения и обувь и кружатся вокруг Золушки.

Свадьбы тоже нет. Мужчины погибают, включая принца. Наружность Золушки вызывает зависть у женщин, а мужчины рассорились до того в желании обладать ею, что убили друг друга, и никого не осталось. Женщины скрывают истинную причину смерти мужчин, одевают их в свои неудобные одежды (наказание антагониста: здесь антагонистами назначены мужчины) и начинают сами управлять королевством. Создается коопeração женщин. Начинают производить удобную и практичную одежду для мужчин под брендом Золушки («CinderWear»).

Героиня не достигает своей исходной цели, однако фея-феминистка достигает. После получения волшебных помощников в лице платья, туфель и прочего, она не получила от них помощи, наоборот, только страдания в виде неудобств от ношения платья, корсета, хрустальных туфель, а из-за жесткости туфель героиня не смогла сбежать с бала. Здесь произошла смена цели героя и замена антагониста (с мачехи на принца и мужчин). Поэтому героиня забыла о принце и желает комфорта. И она его получает. Золушка восклицает: «Kill me now if you want, sisters, but at least I'll die in comfort» («Убейте меня сейчас, если хотите, сестры, но я, по крайней мере, умру с комфортом»). Феминистические поучения феи в конце оказали свое воздействие и изменили жизнь героини на «комфортную», а не на «счастливую» (с точки зрения волшебной сказки). Золушка, мачеха, сводные сестры и другие женщины стали экономически счастливы (любви и брака, как в исходной сказке, нет).

Круги действий героев нарушены: героиня не выходит замуж за принца, искомый персонаж (принц) погибает (замена на комфорт), волшебные помощники оказываются неэтичными, главный волшебный предмет — туфелька оказалась бесполезна; фея и по совместительству крестный (мужского пола) не соответствует канону, хотя и выполняет свою функцию дарения волшебных помощников, ложные герои оказываются не нужны, т. е. не выполняют свою функцию, наказание несут мужчины (они стали антагонистами), а не истинные антагонисты с ложными героями (мачеха и сводные сестрицы).

По словам В. Я. Проппа, сказочник не свободен нарушать последовательность функций или разрывать зависимые друг от друга элементы. Но свободен в выборе функций и того, как эта функция осуществляется. Теоретически «сказочник совершенно свободен в выборе номенклатуры и атрибутов действий» [Пропп 1998: 87]. Лишь бы они выполняли свою функцию. И «...всё, что попадает в сказку со стороны, подчиняется ее нормам и законам» [там же: 87]. В адаптированной сказке привнесенные элементы разрушили сказку и не подчиняются ее нормам и законам. Это свидетельствует о том, что переделанная под ПК сказка уже не есть волшебная сказка. Ее теперь можно назвать сказкой-анекдотом, если читать ее «традиционно», и феминистической сказкой или феминистическим рассказом с элементами волшебного.

Для сказок-анекдотов характерно, что «в их основе лежит универсальный смех как средство разрешения конфликта и способ уничтожения противника. Герой этого жанра — человек, униженный в семье или в обществе: бедный крестьянин, наемный работник, вор, солдат, простодушный глупец, нелюбимый муж. Его противники — богатый мужик, поп, барин, судья, черт, „умные“ старшие братья, злая жена. Народ выразил свое к ним презрение через всевозможные формы одурачивания. На одурачивании построен конфликт большинства сюжетов анекдотических сказок» [Зуева, Кирдан 2002: 159]. В нашем примере униженная вначале Золушка сама в конце нарушает правила общества.

Таким образом, адаптированная сказка уже не волшебная сказка, поскольку не соответствует морфологии волшебной сказки. Герои не выполняют свои функции. Невыполнение функции диктуется логикой дискурса ПК, воинствующего феминизма и Нового левого движения.

2. ДИСКУРСИВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИСХОДНОЙ И АДАПТИРОВАННОЙ СКАЗКАХ

Авторскую адаптацию сказки Джеймсом Финном Гарнером, другими словами, можно назвать междискурсивной pragmatischen адаптацией, а точнее, политизацией, таким образом, под «адаптацией» следует понимать «политизацию». Адаптированная сказка ориентирована больше на неполиткорректного читателя, чем на политкорректного. Ориентированность на две противоположные аудитории, двусмысленность, рождает комическое.

Прагматика исходной сказки состоит в том, чтобы развлечь сюжетом и воспитать содержанием (наличие морали в конце). По словам И. А. Ильина, «сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое чувство героического — чувство испытания, опасности, призыва, усилия и победы; она учит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность

мира, отличие „правды и кривды“. Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее» [Ильин 1996: 204]. В. И. Карасик отмечает, что сказки относятся к числу жанров, «выработанных для передачи опыта от поколения к поколению» [Карасик 2024: 145].

Сказка, таким образом, выполняет важнейшую функцию в обществе, прививая, если говорить языком феминизма и либерализма, традиционные «патриархальные» язык, культуру и отношения. А адаптированная сказка лишена морали, она даже в некотором роде аморальна, жестока (например, одевание в женские наряды погибших мужчин; бизнес-проект вместо любви и т. д.). Коммуникативная цель адаптированной сказки двояка: показать логику ПК и показать опасность этой логики. Поэтому адаптированная сказка на самом деле не пародия в общепринятом смысле, а следствие использования ПК лексики. И это не автор создает этот пародийный мир, а концепты ПК, по причине полного несовпадения ПК и сказочного миров. Автор лишь «реализует» принципы ПК. Следование логике ПК на материале сказок невольно рождает пародию, но это не совсем классическая пародия. Термин «пародия» в литературоведческом словаре определяется следующим образом: «Пародия (от греч. *parodia* — противопеснь) — юмористическое или сатирическое подражание литературному произведению с целью его вышучивания, осмеяния. Известны П. как на отдельные художественные произведения или явления литературы, так и на творчество писателя в целом. Цель П. — „передразнивание“ оригинала с целью приземлить его, высмеять»¹. То есть в пародии должно высмеиваться произведение, объект насмешки, а никак не средство, с помощью которого создается пародия, как в нашем случае происходит. Здесь как бы и высмеиваются поступки героев сказки, но на самом деле высмеиваются не они, а язык ПК. Это еще более усиливается тем, что автор во введении к книжке выражает свою приверженность борьбе с многочисленными видами дискриминаций [Garner 1994: 4] и как бы становится крайне ПК человеком, он делает это для усиления комического эффекта.

В текст внедряются новые слова, а за словами новая, чуждая для сказки концептуаль-

ная сетка Нового левого движения (войнствующего феминизма и борьбы с дискриминациями), которая «заставляет» текст терять свою «серьезность». Это происходит потому, что традиционное подчиняется своей логике, а ПК — своей логике. И эти две логики соприкасаются друг с другом в пародийной точке.

Сравним исходный и адаптированный тексты на конкретных примерах. Сказка начинается с «исправления» дискриминации по полу, например, первая фраза сказки, вместо «Once there was a gentleman» начинается с «There once lived a young *wommon* named Cinderella».

Следующие примеры являются смягчающими дискриминацию формулировками по разным признакам:

• **полу:**

- 1) *woman* — *wommon* и *womyn* — feminist spellings (*wommon* (singular), obsolete spelling of *woman*; *womyn* (plural)²;

• **внешнему виду:**

- 1) wonderfully busy in selecting the gowns, petticoats, and hair dressing — *They began to plan the expensive clothes they would use to alter and enslave their natural body images to emulate an unrealistic standard of feminine beauty*;
- 2) the singular beauties of the unknown newcomer — *wommon who had captured perfectly their Barbie-doll ideas of feminine desirability*;
- 3) Then they broke more than a dozen laces trying to have themselves laced up tightly enough to give them a fine slender shape. — *A formidable task: It was like trying to force ten pounds of processed nonhuman animal carcasses into a five-pound skin. Next came immense cosmetic augmentation, which it would be best not to describe at all*;
- 4) “You wish that you could go to the ball; is it not so?” — *So, you want to go to the ball, eh? And bind yourself into the male concept of beauty? Squeeze into some tight-fitting dress that will cut off your circulation? Jam your feet into high-heeled shoes that will ruin your bone structure? Paint your face with chemicals and make-up that have been tested on nonhuman animals?*;

¹ Белокурова С. П. Пародия // Словарь литературоведческих терминов. 2005. Электронная версия. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/240-пародия> (дата обращения: 10.01.2024).

² *Womyn* // Collins online dictionary, 2025. Электронная версия. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/womyn> (дата обращения: 10.01.2024).

- 5) Nothing was then heard but a confused noise of, “How beautiful she is! How beautiful she is!” — *The womyn, trained at an early age to despise their own bodies, looked at Cinderella with envy and spite; “Kill me now if you want, sisters, but at least I’ll die in comfort.”*;
- 6) ... — *Instead of exacting vengeance on her, they stripped off their bodices, corsets, shoes, and every other confining garment,*
- социальной роли:
- 1) mother — *natural birthmother,*
 - 2) ...employed her in the meanest work — *as if she were their own personal unpaid laborer;*
 - 3) ...invited all persons of fashion — celebrating his *exploitation of the dispossessed and marginalized peasantry;*
 - 4) godmother — *a man dressed in loose-fitting, all-cotton clothes and wearing a wide-brimmed hat. At first Cinderella thought he was a Southern lawyer or a bandleader,* a fairy — “Hello, Cinderella, I am your *fairy godperson, or individual deity proxy if you prefer*”;
 - 5) ...but the young prince ate not a morsel, so intently was he busied in gazing on her. — *Cinderella soon caught the roving eye of the prince, who was busy discussing jousting and bear-baiting with his cronies. “Here,” he thought, “is a wommon that I could make my princess and impregnate with the progeny of our perfect genes, and thus make myself the envy of every other prince for miles around. And she’s blond, too!”* The prince began to cross the ballroom toward his *intended prey.* So did every other *male* in the ballroom who was younger than 70 and not serving drinks;
 - 6) ... — *carried herself like a wommon of eminent social standing.* But soon it became clear that the commotion was turning into something ugly, or at least *socially dysfunctional;*
 - 7) The king’s son was always by her, and never ceased his compliments and kind speeches to her. — *“possessing” the young wommon — The prince lusted after her — other sex-crazed males — a pile of human animals — this vicious display of testosterone — the combatants — unsisterly hostility, ... — macho dance of destruction;*
- В связи с межвидовой дискриминацией:
- 1) a very fine set of six horses — *a team of horse-slaves;*
- 2) ...This was a new difficulty for Cinderella. — *Cinderella was working harder than a dog (an appropriate if unfortunately speciesist metaphor);*
- 3) her clothes turned into cloth of gold and silver, all beset with jewels. This done, she gave her a pair of glass slippers. — *She was dressed in a clinging gown woven of silk stolen from unsuspecting silk-worms. Her hair was festooned with pearls plundered from hard-working, defenseless oysters.* And on her feet, *dangerous* though it may seem, she wore *slippers made of finely cut crystal;*
- других видов:
- 1) When she lost sight of them, she started to cry. — *Cinderella was sad, but she contented herself with her Holly Near records;*
 - 2) “Yes,” cried Cinderella, with a great sigh. “Well,” said her godmother, “be but a good girl, and I will contrive that you shall go.” — “Oh yes, definitely,” she said in an instant. Her *fairy godperson* heaved a great sigh and decided to put off her *political education* till another day;
 - 3) glass slippers — *impractical glass slippers;*
 - 4) ... — *Their first official act was to dress the men in their discarded dresses and tell the media that...;*
 - 5) ... — *Their second was to set up a clothing co-op that produced only comfortable, practical clothes for womyn.* Then they hung a sign on the castle *advertising CinderWear* (for that was what the new clothing was called), and through *self-determination and clever marketing*, they all — even the mother- and sisters-of-step — *lived happily ever after.*

В политкорректной сказке много опущений, и они также мотивированы. Например: 1) опущено происхождение имени «Золушка». С точки зрения феминизма это не «посестрински» — одной женщине давать уничижительные прозвища другой; 2) опущена свадьба, поскольку свадьба указала бы на «патриархальные» мечты Золушки; 3) нет морали сказки. В сказке Ш. Перро есть два моральных вывода из сказки: 1) быть обходительной — важнее красоты; 2) важно получать благословения крестных, вдобавок к имеющимся талантам, чтобы сопутствовал успех. Мораль опущена в адаптированной сказке, поскольку это тоже «патриархальная» дискриминация женщины (дискриминация по уму).

По словам В. Я. Проппа, «сказочник свободен в выборе языковых средств» [Пропп 1998: 87]. Однако, оказывается, сказочник всё же должен находиться «внутри» сказочного дискурса, где он свободен, а контакт с политическим дискурсом ограничивает его творчество, поскольку понятия политического мира не совместимы с миром сказок.

3. КОНФЛИКТ ДИСКУРСОВ: СКАЗОЧНОГО И ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНОГО

Политизация неполитического дискурса рождает конфликт дискурса с политическим дискурсом, поскольку она вызывает смещение смыслов и их монополизацию. Политизация сказки рождает сказку-анекдот. В нашем случае, подчинение сказки идеалам воинствующего феминизма (Нового левого проекта) вызывает смещение смыслов в сторону комико-трагического.

Политическое и волшебное конкурируют и конфликтуют между собой, поскольку оба обладают властью, привносят изменения в мир; умеют пользоваться магической функцией языка. Однако они преследуют разные цели. Сказка «дает ребенку первое чувство героического — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы...» [Ильин 1996: 204], в то время как интенциональной базой для политического дискурса является борьба за власть [Шейгал 2005: 26].

В словаре С. И. Ожегова «волшебный» определяется как «Действующий волшебством, обладающий чудодейственной силой»¹. С филологической точки зрения, противопоставив политическое и волшебное, можно сказать, что «волшебное» — это неполитическая потусторонняя сила, могущая менять сложившийся статус-кво без денег, политических институтов, структур, учреждений и процедур, через замену или обогащение семантики. Например, была тыква, а стала каретой; было обычное платье, стало вечерним нарядным платьем. Замену семы, повлекшую реальные изменения в денотате, можно назвать волшеством.

Согласно словарю по международному праву, «Политизация — 1) увеличение значения и роли политической сферы в жизни общества и включение в нее социальных, экономических, культурных и пр. явлений и процессов; 2) вовлечение людей в политику, повышение их политической активности»².

Политизация — это попытка властствовать над знаками других дискурсов. В сказке всё переведено в политические объекты. Политизация, по сути, это перевод объектов (сущих) в пространство и время политики с одновременным изменением идентификации объекта на политическое (не считаясь с его иной идентификацией). Объект полностью теряет свою «среду обитания» дискурса и идентификацию и становится «частью» политического, где ему указаны и функция (роль), и место и время (поэтому точнее будет назвать этот объект «объект-омоним», потому что это не тот же исходный объект, а лишь формально одинаковый). Такая трансформация семантических ролей и переход из дискурса в дискурс выражается в смене «поведения» объекта. Он теперь полностью подчиняется дискурсивным и жанровым правилам политического дискурса. Поэтому сюжет сказки и поведение главных героев меняются, но не пародийным образом, а по правилам политического дискурса. И следование этим правилам для тех, кто не внутри политического дискурса, выглядит ненормальным, по крайней мере, нарушением нормы для сказок. А для тех, кто внутри этого политического дискурса, всё выглядит как нечто, соответствующее норме.

Согласно Новой философской энциклопедии, «Норма (от лат. *norma* — руководящее начало, правило, образец) — установленный эталон, стандарт для оценки существующих и создания новых объектов. ... Соответствует норме и, следовательно, является нормальным лишь тот объект, который служит достижению не любой, а лишь благой цели, т. е. объект, включенный в процесс реализации смысла человеческой жизни. Норма задает границы количественных изменений объекта, в которых он сохраняет свое качество служить средством для достижения благой цели. Различают нижнюю границу нормы (минимум), верхнюю (максимум) и „золотую середину“ между ними (оптимум). Оптимальное средство для достижения поставленной цели называют также идеальным»³. В нашем примере, в сказке произошли не количественные (в пределах нормы), а качественные изменения, поэтому она и воспринимается как не соответствующая «норме», ненормальной. Поскольку нормальное — это состояние

¹ Волшебный // Толковый словарь Ожегова. Электронная версия. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3709> (дата обращения: 10.01.2024).

² Хридочкин А. В., Макушев П. В. Политизация // Международное право. Словарь-справочник 2017 г. Электронный источник. URL: <https://politike.ru/termin/politizacija.html> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Левин Г. Д. Норма // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. Электронный источник. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/837НОРМА (дата обращения: 10.01.2024).

восприятия объекта уместным, адекватным его среде, его дискурсу.

Волшебные сказки морфологически однотипны, хотя и присутствует «принцип полной свободы и взаимной заменяемости» сказочных элементов. Однако, отмечает В. Я. Пропп, «в отдельных сказках отступления довольно значительны, но при ближайшем рассмотрении окажется, что это юмористические сказки. Такая перестановка, сопровождающая превращение поэмы в фарс, должна быть признана результатом разложения» [Пропп 1998: 83]. В. Я. Пропп называет превращением в фарс значительные отступления в компоновке сказочных же элементов, из «сказочного запаса». А в нашем примере сказка не только претерпела значительные отступления, но в нее были привнесены совершенно чуждые элементы — концепты ПК (феминизма и разных дискриминаций).

Таким образом, эвфемизация, перефразирование, перечисление видов дискриминации — лишь способы политизации текста. Логика смысла политизации открывает возможность разнообразными способами добавлять семы концептов политического дискурса. Например, в проанализированной сказке имеет место логическое продолжение сказки, логическое развитие сюжета. Политическая логика диктует своеобразное развитие сюжета.

Таким образом, можно утверждать, что разрушение жанра происходит на двух уровнях: на метаязыковом (философский, идеологический, структурный уровень) и языковом (концептуальный уровень). Итак, для разрушения определенного жанра достаточно внедрить структуру и язык другого дискурса. Это означает, что жанр — это дискурсивный шаблон. И этот шаблон хоть и гибкий, но хрупкий. Поскольку ПК лексика на самом деле не просто лексика, а концептуальный аппарат, концептуальная сетка, так что даже текст, сюжет и мотивы вынуждены менять свое направление при их внедрении в текст. И волшебное становится неволшебным. Оказывается, это «мужской» патриархальный мир (дискурс) вмещает волшебное, а ПК феминистический прагматический мир абсолютно не выносит волшебное. Он превращает абсолютно всё в «политическое». Захват политическим всего обессмысливает всё, если смотреть с точки зрения традиционного, «патриархального» мировосприятия.

ИСТОЧНИКИ

1. Garner, J. F. Cinderella / James Finn Garner / J. G. Garner. — Text : unmediated // Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times. — Macmillan, 1994. — 79 p.
2. Perrault, Ch. Cinderella; or, The Little Glass Slipper / Andrew Lang / Ch. Perrault. — Text : unmediated // The Blue Fairy Book. — 5th ed. — London : Longmans, Green, and Co., 1891. — 890 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Л. В. Русские речевые жанры : монография / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2022. — 832 с. — Текст : непосредственный.
2. Дементьев, В. В. О месте понятия «жанр» в языковой компетенции: на материале выражения «в жанре...» в НКРЯ / В. В. Дементьев. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2017. — Т. 16. — № 2 (16). — С. 193–202.
3. Дускаева, Л. Р. О жанровых текстовых категориях / Л. Р. Дускаева. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2016. — Т. 14. — № 2 (14). — С. 25–32.
4. Ермакова, О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) / О. П. Ермакова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2014. — Т. 9. — № 1 (9). — С. 74–80.
5. Зуева, Т. В. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. — Москва : Флинта : Наука, 2002. — 400 с. — Текст : непосредственный.
6. Ильин, И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1 / И. А. Ильин ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — Москва : Русская книга, 1996. — 400 с. — Текст : непосредственный.
7. Карасик, В. И. Аксиологические характеристики сюжетов в армянских литературных сказках / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 2 (42). — С. 144–155.
8. Кузнецова, Н. В. Современные тенденции развития политкорректности во французском политическом дискурсе: градуированный характер политкорректности / неполиткорректности, разные степени их проявления / Н. В. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. — Серия 9, Филология. — 2016. — № 5. — С. 129–134.
9. Лакофф, Р. Р. Вербальная агрессия vs. политкорректность / Р. Р. Лакофф. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2014. — Т. 9. — № 1 (9). — С. 69–73.
10. Плахова, О. А К вопросу о взаимодействии дискурса и жанра (на примере сказочного дискурса) / О. А. Плахова. — Текст : непосредственный // Вектор науки ТГУ. — 2015. — № 3-2 (33-2). — С. 246–252.
11. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 512 с. — Текст : непосредственный.
12. Тарасова, И. А. Литературный жанр в сознании читателя: эмпирический подход / И. А. Тарасова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 1 (41). — С. 23–28.
13. Чемодурова, З. М. Репрезентация индивидуально-авторской картины мира в современной версии классической сказки / З. М. Чемодурова, А. А. Зотова. — Текст : непосредственный // Язык и культура в эпоху глобализации : сборник научных статей по итогам Второй всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 27–28 октября 2022 года / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. — С. 165–169.
14. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.
15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 431 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Garner, J.F. (1994). Cinderella. In: *Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times* (p. 79). Macmillan.

2. Perrault, Ch. (1891). Cinderella; or, The Little Glass Slipper. In: Andrew Lang. *The Blue Fairy Book* (p. 890). London.

REFERENCES

1. Balashova, L.V., & Dement'ev, V.V. (2022). *Russkiye rechevyye zhany* [Russian speech genres]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK. 832 p. (In Russ.)
2. Dement'ev, V.V. (2017). O meste ponyatiya «zhanyr» v jazykovoy kompetentsii: na materiale vyrazheniya «v zhanye...» v NKRJA [About the place of the concept of “genre” in language

- competence: on the material of expression “in genre...” in the Russian national corpus]. *Zhanry rechi*, 16 (Iss. 2 (16)), 193–202. (In Russ.)
3. Dusayeva, L.R. (2016). O zhanrovyykh tekstovykh kategoriakh [About genre text categories]. *Zhanry rechi*, 14 (Iss. 2 (14)), 25–32. (In Russ.)
 4. Yermakova, O.P. (2014). Yavlyayetsya li ironiya rechevym zhanrom? (yeshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) [Is irony a speech genre? (once again, about some features of irony)]. *Zhanry rechi*, 9 (Iss. 1 (9)), 74–80. (In Russ.)
 5. Zuyeva, T.V., & Kirdan, B.P. (2002). *Russkiy fol'klor: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Russian folklore: Textbook for higher educational institutions]. Moscow: Flinta: Nauka, 400 p. (In Russ.)
 6. Il'in, I.A. (1996). *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 1* [Collected Works: in 10 volumes. Vol. 1]. Moscow: Russkaya kniga, 400 p. (In Russ.)
 7. Karasik, V.I. (2024). Aksiologicheskiye kharakteristiki syuzhetov v armyanskikh literaturnykh skazkakh [Axiological characteristics of subject plots in Armenian literary fairy tales]. *Zhanry rechi*, 19 (Iss. 2 (42)), 144–155. (In Russ.)
 8. Kuznetsova, N.V. (2016). Sovremennyye tendentsii razvitiya politkorrektnosti vo frantsuzskom politicheskem diskurse: graduirovannyy kharakter politikorrektnosti / nepolitikorrektnosti, raznyye stepeni ikh proyavleniya [Modern trends in the development of political correctness in French political discourse: the graduated nature of political correctness / non-political correctness, different degrees of their manifestation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 9: Filologiya*, 5, 129–134. (In Russ.)
 9. Lakoff, R.R. (2014). Verbal'naya agressiya vs. politikorrektnost' [Verbal aggression vs. political correctness]. *Zhanry rechi*, 9 (Iss. 1 (9)), 69–73. (In Russ.)
 10. Plakhova, O.A. (2015). K voprosu o vzaimodeystvii diskursa i zhanra (na primere skazochnogo diskursa) [The question of interaction between discourse and genre (on the basis of the folk tale discourse)]. *Vektor nauki TGU*, 3 (Iss. 2 (33-2)), 246–252. (In Russ.)
 11. Propp, V.Ya. (1998). *Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki. (Sobraniye trudov V.YA. Proppa.)* [Morphology of the fairy tale. Historical roots of the fairy tale. (Collected works of V. Ya. Propp.)]. Moscow: Labirint, 512 p. (In Russ.)
 12. Tarasova, I.A. (2024). Literaturnyy zhanr v soznanii chitateliya: empiricheskiy podkhod [Literary genre in the mind of the reader: Empirical approach]. *Zhanry rechi*, 19 (1(41)), 23–28. (In Russ.)
 13. Chemodurova, Z.M. (2022). Reprezentsatsiya individual'no-avtorskoy kartiny mira v sovremennoy versii klassicheskoy skazki [The authorial worldview representation in the modern version of the classic bedtime story]. In *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii: sbornik nauchnykh statey po itogam Vtoroy vserossiyskoy (natsional'noy) nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Sankt-Peterburg, 27–28 oktyabrya 2022 goda / Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet* (pp. 165–169). Saint-Petersburg. (In Russ.)
 14. Chudinov, A.P. (2012). *Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobiye* [Political Linguistics: a textbook]. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)
 15. Sheygal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 431 p. (In Russ.)